Р2
В96

ВАЛЕРИЙ ВЬЮХИН

КРОВНАЯ СВЯЗЬ

15/10 - Cabotino

ВВ
01
07

ВАЛЕРИЙ ВЬЮХИН

КРОВНАЯ СВЯЗЬ

Стихотворения

765

ЦЕНТРАЛЬНАЯ
ГОРОДСКАЯ БИБЛИОТЕКА
Сыктывкарского
ОТДЕЛА КУЛЬТУРЫ

Коми книжное издательство

Сыктывкар 1978

Р2
В 96

Вьюхин В. Н.
В 96 Кровная связь. Стихотворения. Коми кн. изд. 1978.

112 с.

Вторая книга Валерия Вьюхина — выпускника Литературного института им. Горького.

Авиатор, бортмеханик по профессии, автор книги очень по-земному, тепло раскрывает свои чувства, кровную связь с этим щедрым на причуды северным краем, кровную связь настоящего с прошлым, кровную связь с людьми, продолжающими осваивать край «под знаком северных сияний».

Р2

$$В \frac{0742-004}{М\ 128\ (03)-78} 31-78\ м$$

© Коми книжное издательство, 1978

ПРОСТЕНКИ РОССИИ

Не всех положили
под траурный мрамор...
Но, честно исполнив
суровый приказ,
С простенков России
давно и упрямо
Пропавшие без вести
смотрят на нас.
Линяют на стенах
обои цветные,
Меняется жизни
привычный уклад,
И только солдаты,
навек молодые,
С родимых простенков,
как прежде, глядят.

Народная память —
вот жизни оценка...
Прожить бы не зря,
и не зря умереть,
Чтоб не было стыдно
с родного простенка
В людские глаза
через годы смотреть.

ФОТОГРАФИЯ

Тот день был жаркий,
Летний самый,
От зноя листья
В трубочки свило,
За много верст
Меня водила мама
К фотографу
В районное село.

И вот фотограф
Без распросов лишних
То дело быстро
Свел к концу,
И карточку
Чумазого мальчишки
На фронт отправили отцу.

А он все шел
Дорогой ратной,
И на заре упал в бою.

Его товарищи
Обратно
Прислали карточку мою.

Своих детей
Я в жизнь готовлю,
Но до сих пор
Я бережно храню,
Отцовскою
Отмеченную кровью,
Ту фотографию свою.

И как бы путь мой
Не был долог,
Я буду помнить,
Помнить до конца,
Что и в меня
Попал осколок —
Кусок железа,
Что убил отца.

САЛЮТ ПОБЕДЫ

Пока над страной фейерверки
Качали свои купола,
К солдатам седым на поверки
Незримо Победа пришла.

И люди в такие минуты
Былое в душе воскресят.
Салюты, салюты, салюты,
Как яркие птицы, летят.

В Москве и в далеком селеньи
Салюты Победы видны,
Они, словно грозди сирени,
Из мирного сада страны.

Вражды вековые обломки
Народы с пути уберут,
Но все-таки наши потомки
Увидят Победы салют.

И люди в такие минуты
Былое в душе воскресят.
Салюты, салюты, салюты
В грядущие годы летят.

КАБЛУКИ

Зенитным скошенный снарядом,
По-лягушачьи, на живот,
У деревушки нашей рядом
Упал немецкий самолет.

В деревне думали, рядили,
Куда пристроить этот хлам,
И потихоньку растащили
На всякий случай по дворам.

И вот уже на том дюрале,
Где паутинились кресты,
Угрюмо женщины стирали
Ребячьи драные порты.

Мой дед смотрел на это косо,
Но не стерпел, сходил и сам;
Ему достались лишь колёса
Да кое-что по мелочам.

Потом смотрели, рты разинув,
Старухи все и старики,
Когда трофейную резину
Мой дед пустил на каблуки.

И я, некормленный досыта,
Обувкой дедовой гордясь,
В литой резине мессершмитта
Месил проулочную грязь.

РОДИНА

Земля лежит под снежною рогожей,
Поближе к югу тоньше матерьял,
В лесах у нас веселый и пригожий
Под ручку с елью ветер загулял.

И тихо так на белом бездорожье,
Что даже звук не хочется ронять,
Как никогда с волнением и дрожью
Тебя хочу я, Родина, понять.

Твоя душа открыта нараспашку,
Как луговой пастушеский шалаш,
С себя другим последнюю рубашку
Ты не торгуясь весело отдашь.

Я знаю, ты щедра не от избытка —
Такой чудной характер на Руси,
Хотя давно под нами не кибитка,
А грохот самолетного шасси.

Хотя давно с законами коммерций
Ты стала жить в согласьи и ладу,
Но русское отзывчивое сердце
Чужую очень чувствует беду.

О Родина! Живительный колодец
На большаке измученной земли.
Сверни к нему сосед и инородец,
Чистейшей влагой жажду утоли.

И посмотри, как облачные перья
Незамутненное ласкают дно,
Но только чур, есть на Руси поверье:
Плевать в колодцы подло и грешно.

ПОЛЯРНЫЙ УРАЛ

Знакомы мне холмы береговые,
Высоких гор еще я не видал,
И вот, смятенный, я стою впервые
Перед тобой, стареющий Урал.

Уходят вдаль суровые порядки
Твоих вершин, что дики и остры,
Они стоят, как вечные палатки,
Как воинства российского шатры.

Я слышал то, что ты не в прежней силе,
Развеян ветром и размыт дождем.
Неправда! Подпоясана Россия
Твоим литым железным кушаком.

ШАХТА

Вокруг с уважением глядя,
Иду из земной глубины,
Впервые в шахтерском наряде
Я видел подвалы страны.

И понял, наверно, впервые,
Чему устыдился тайком,
Что наши в земле кладовые
Не белые полки с добром,

А темные шаткие стены
Суровой земной красоты,
В которых, как черные вены,
Набухли угрюмо пласты.

А сколько соленого пота
Оставлено в недрах земных.
Мне в сердце запала работа
В труднейшей из всех мастерских.

ИНТА

В Подмосковьи уже половодье,
Здесь сугробы по плечи вокруг,
Оттого, что развесил поводья
За рекою Полярный круг.

Для несведущих это соседство
Даже издали вызовет дрожь,
Пусть Инта не курортное место,
Только город уж очень хорош.

Даже сдержанность красок и линий
Не испортила сказочный вид,
Где цветами морозными инеей
По утрам на деревьях висит.

А какие в Инте северянки —
Да простится невольная лесть,
Рядом с ними у модниц с Таганки
Облетела бы лишняя спесь.

С первых колышков здесь северяне
В город душу вложили свою,
Ни следа от былой глухомани
Не осталось в шахтерском краю.

Только есть еще трудные лавы,
Не всегда удовольствие снег,
Потому и не ради забавы
Здесь рабочий живет человек.

* * *

Незабвенная станция Суда.
Все мне мило и дорого тут,
В первый раз увозили отсюда,
И в последний сюда привезут.

Я на станцию топал полдетства,
Вдоль дороги — березы и рожь,
Повнимательней если вглядеться,
Ничегошеньки здесь не найдешь.

Та же осенью в поле солома,
Те же в мае артели грачей,
А зимою от дома до дома
Растилается дым из печей.

Лишь была здесь на славу морошка —
Так и лезла в мальчишеский рот,
Но и ту затоптал понемножку
Отовсюду приезжий народ.

Но остались натянуты туго
Серебристые две колеи,
И ветла, от которой с подругой
Навсегда разминулись пути.

И душа моя здесь неизменно
Встрепенется при виде ракит,
Меж которых порой по колена
Безымянная речка бежит.

СЕВЕРЯНЕ

Среди нетронутых снегов,
Под знаком северных сияний,
В тиши завьюженных домов
Растут ребята-северяне.

Зима метельна и длинна,
Мороз дубасит в стены глухо,
Ночами в дом глядит луна,
Звезда лучом щекочет ухо.

Селом, как белые быки,
Бредут рогатые сугробы,
А за дворами вдоль реки
Сверкает лед первейшей пробы.

Лишь утро встанет с белых гряд,
Звенят замочные цепочки,
Ребята с берега летят,
Как будто катятся клубочки.

Так выпускали и меня
В студеный мир подручным ветра,
Но в тех снегах моя лыжня
Теперь давно уж незаметна.

765
ЦЕНТРАЛЬНАЯ
ГОРОДСКАЯ БИБЛИОТЕКА
Сыктывкарского
ОТДЕЛА КУЛЬТУРЫ

СЕЛЬСКИЙ ВЕЧЕР

Июльский день, тихонько угасая,
Пошел под ручку с солнцем на ночлег,
И затихает музыка простая
Подойников, бидонов и телег.

Закат, плотней укутываясь ризой,
Садится на ночь в поле за копной,
В краю села пиликнул телевизор,
Ему в тиши откликнулся другой.

И вот по той безветренной погоде
Плывет одна мелодия окрест,
Но не гармошка маленькая бродит,
А целый симфонический оркестр.

Потом и эта музыка, стихая,
Бесенком убегает в провода,
И слышно, как, на небо улетая,
Крылом стрекочет ранняя звезда.

СТАРАЯ ШКОЛА

Теперь здесь туристская база,
Танцульки в прохладе ночей,
И вой заграничного джаза
Пугает во тьме дергачей.

Топорщатся черные уши
Отмеченных чагой берез,
И что за беспутные души
Туристский автобус привез.

Теперь здесь другие порядки,
Другие следы на песке,
Лишь ветер листает тетрадки
По-прежнему на чердаке.

Но этих тетрадок владельцы
Со смехом не выбегут в дверь,
Такое веселое дельце
Не редкость в округе теперь.

Молчат деревенские школы,
Порвалась какая-то нить,
И звонкие наши глаголы
В них некому стало учить.

ОТЧИЙ ДОМ

Я спешу не любопытства ради
В этот край завьюженных дорог,
Только здесь, в родительской ограде,
Сохранился детства уголок.

Посмотрю на север и на запад —
Нет знакомей этой стороны,
И в избе все тот же милый запах
Пирогов, соломы и сосны.

За окном серебряною льдинкой
Облетает осень с проводов,
Как бывало с клюквенной начинкой
Напеки-ка, мама, пирогов.

Золотистых, пышных и пахучих,
Чтоб самой понравились тебе,
Пусть они, как розовые тучи,
Проплывут степенно по избе.

И за самоваром, за которым
Так приятно время коротать,
Мы полечим душу разговором,
Или можем просто помолчать.

И, конечно, в грусти обоюдной
Мы с тобой подумаем о том,
Что не шумно и не многолюдно
За старинным дедовским столом.

Словно осень листья без разбора,
Жизнь родную избу отрясла,
И теперь, я думаю, не скоро
Снова тесно будет у стола.

КРАЙ ЛЕСНОЙ

Самая обыденная тема —
Рассказать о родине лесной,
Никакая новая проблема
Не прошла сей угол стороной.

Здесь берез поношенные шали
Сентябри окрашивают в медь,
Здесь одни селенья обветшали,
А другие стали молодеть.

На полях глубокие морщины
Тракторного тяжкого следа,
И гудят, как вечные машины,
День и ночь тугие провода.

Высоко летят без остановок
Косяки железных лебедей,
Здесь полно гостинцев и обновок,
Не скупись — красуйся, молодей.

Вдалеке, как бок у самовара,
Чистит туча бледную зарю,
Здесь полно медвяного отвара
Человеку, птицам и зверью.

И, конечно, с прошлым несравнимо,
Не блистает горькая слеза,
А глядят из утреннего дыма
Озорные русские глаза.

ПЕЧОРА

Печора не закована в гранит,
Пески ей верно служат берегами,
Над ней сосна веселая шумит,
Зелеными махая рукавами.

Я переплыть, конечно, не смогу,
Такая ширь под силу пароходу,
Но любо мне побыть на берегу
И посмотреть на здешнюю природу.

Она нежней, чем я предполагал,
Чиста вода и так протяжны дали,
Как будто я вошел в огромный зал,
Где рамы навсегда повыставляли.

Соболью спину гнут березняки,
Ветрам полет указывают ели.
Я представляю, как бы степняки
От этого простора ошалели.

Что степняки, им рощица берез
Бог весть какой покажется тайгою,
Но я вот тоже к берегу прирос
И ничего не сделаю с собою.

Хотя любил другие берега,
А в них еще пленительнее воды,
Но никогда не чувствовал пока
Такого ощущения свободы,

Такого ощущенья волшебства,
Когда душе не надо разговора,
Лишь видеть, что качает острова,
Как маленьких детенышей, Печора.

ЩЕЛЬЯ

Тучи гладят высокую щелью,
На траве оседает роса,
Словно пикой, огромною елью
Продырявлены здесь небеса.

На заре лучик солнца приветный
Согревает кремневую грудь,
Вечерами печорские ветры
Прилетают сюда отдохнуть.

Знать, когда-то таежный отшельник
Отыскал здесь покой и судьбу
И на счастье поставил у щельи
Из окрестного леса избу.

Он хотел бы пожить одиноко,
От мирской суеты вдалеке,
Но о нем растрещала сорока
По великой печорской тайге.

И однажды запели полозья
Сквозь жестокий крещенский мороз,
По высоким сугробам елозя,
Притащился на щелью обоз.

Дальше было и трудно и просто:
Затрещала по швам глухомань,
Отдавая места для погоста,
Для домов, огородов и бань.

Сколько весен с тех пор каруселью
Отзвенело с разливами вод.
Если нынче подняться на щелью,
То душа от восторга замрет.

Левый берег в прохладе таежной,
Правый берег в сияньи огней,
А меж ними река осторожно
В мелководьи пасет окуней.

ВЫМСКИЕ БЕРЕГА

Здравствуй, лес, комариное логово,
Здравствуй, Вымь, голубая река,
А курорт знаменитый Серегово,
До свиданья, до встречи, пока!

Чуть скрипят над водою уключины,
Перевозчик на слово не скор,
Да и мы в тишине не приучены
Неуместный вести разговор.

Да и что говорить, если в панике
Пребывает сегодня душа.
Берега, берега, вы любого заманите,
Вековечною тайной дыша.

Вот и камни по днищу простукали,
Лодку дернуло и повело,
Позади на холме, как на куполе,
Занавесками машет село.

А дома с невысокими ставнями
Загляделись в таежную даль,
Никого у нас там не оставлено,
Ничего не забыто, а жаль!

И. А. КУРАТОВУ

Вижу я: среди зла и наветов
Ты с печальною музой идешь,
На российских опальных поэтов
Удивительно чем-то похож.

Пусть ты не был убит на дуэли,
Но не горше ли участь твоя:
Уродиться нежнее свирели,
И прожить, это в сердце тая.

И не мука ли с голосом певчим
Одиноко в полголоса петь,
Но душе твоей каяться не в чем,
И в полголоса надо суметь.

Содрогнется душа человечья,
Чуть припав к твоему роднику,
Как ты шел от лесного наречья,
К высочайшему шел языку.

Как ты жил средь бурсацкого сброда,
Средь людей, что на песню глухи,
Как любовно ты душу народа
Перелил в золотые стихи.

Как в далеких степях Туркестана
От чахотки, а не от свинца
На рассвете однажды не стало
Удивительной силы певца.

Как ты там, на природе не здешней,
Горечь жизни изведав вполне,
Захлебнулся последнею песней
О родимой своей стороне.

Эта песня, года пролетая,
Растопляя забвения лед,
Расплескалась от края до края
И теперь новой жизнью живет.

УЧИТЕЛЬНИЦА

Е. А. Чисталевой

Вы стоите простая, домашняя,
Я такой вас представить не мог,
Так и тянет, застенчиво кашляя,
Отвечать перед вами урок.
Вы когда-то учились в гимназии,
Даже трудно подумать о том...
Я навек благодарен оказии,
Что меня завела в этот дом.
Я узнал, что вы веку ровесница,
Я узнал, что вы жили сполна.
В вашей жизни, наверно, уместится
Заурядная жизнь не одна.
Вам нелегкая должность учителя
Положила морщинки у глаз,
Не найдется в окрестности жителя,
Не учился б который у вас.
Вы забыли их буквы и кубики,
Но учили их все же не зря —
Знаменитые люди республики
Начинали у вас с букваря.
Пусть об этом прочтут не с обидою
Мой учитель и взрослый наш класс,
Но я тем откровенно завидую,
Кто когда-то учился у вас.

У ОКОЛИЦЫ

Здравствуй, край, луговой и озерный,
И леса вековые, привет.
Здравствуй, тополь, ты, словно дозорный,
У околицы стал за кювет.

Я люблю твой таинственный шелест
И ветвистую крону твою,
Из далекого края пришелец,
Я, как прежде, с тобой постою.

Не понять, как по выпуклым склонам
Ты на самую кручу залез,
Неужель парашютом зеленым
Опустился когда-то с небес?

И не мне одному ты по нраву,
Я подумал однажды всерьез,
Что имеешь ты звонкую славу
Средь окрестных осин и берез.

И к тебе они тянутся круто,
На увальных уступах присев.
Хорошо быть по нраву кому-то
Средь животных, людей и дерев.

КОЛОДЦЫ

Над замшелостью сруба —
Для ведерка клюка,
Все сработано грубо,
Но зато на века.

В полутемки колодца
Головой окунусь:
Там живет и колотится
Первозданная Русь.

Может, это не капли
Там стучат в тишине,
А булатные сабли
По кольчуге-броне?

Или красные кони,
Все в крови до хвостов,
От монгольской погони
Вдаль несут седоков?

И все ширятся звуки,
И в колодце сыром
Вижу русские руки
То с сохой, то с мечом.

Как бы время не мчалось —
Отметая беду,
Забывая усталость,
Я к колодцу приду,

Чтоб услышать, как где-то
Застучит в тишине
То ли сердце планеты,
То ли сердце во мне.

РЕЧЕНЬКА

Катится прохладная водица,
Золотым обсыпана песком,
Словно подпоясана землица
Голубым с отливом пояском.

Не тиха, но в меру говорлива,
И в теченьи вольном не узка,
Нравом и обличием красива
Небольшая русская река.

Этот путь извилистый и древний
Прорубила шумная вода,
Чтоб всегда прибрежные деревни
Плыли в ней неведомо куда,

Чтоб в воде размашисто и гордо
Летние сияли облака,
А зверье невыспавшейся мордой
Тыкалось в их светлые бока,

Чтоб седые с яблоками кони
Табунами шли на водопой,
Чтобы люди теплые ладони
Наполняли вкусною водой.

СЕВЕРНЫЙ ПЕЙЗАЖ

В полях копушки клевера,
Как телки, улеглись.
Вокруг так много севера,
Везде такая высь.

Лучами разлинована
Таинственная сень,
И входит осень новая
Послушно в новый день.

Над Сысолой, над Вычегдой,
Над пармой золотой
Повис дугою вычурной
След птицы огневой.

Дымы небрежно комкая,
Струится вышина,
Мелодия негромкая
Над городом слышна.

Мелодия не праздная,
Мелодия труда,
По-своему прекрасная,
Понятная всегда.

* * *

За миг один полёта,
За крылья за спиной
Расплачивался кто-то
Смертельною ценой.

С высоких колоколен
Бросались наугад —
Подьячий небом болен
И отставной солдат.

Не от небесной кары,
От дерзости своей
Безвестные икары
Стонали у церквей.

Их не задела слава
А смерть не обошла,
Но вызрело кроваво
Подобие крыла.

В тех муках и усильях
Взошли свои ростки —
И в самолетных крыльях
Есть контуры руки.

НЕБО

Здесь надо канаты-нервы
И верный, спокойный глаз,
Бывает, что небо в первый
И сразу в последний раз.

Мы видели небо разным,
Прекрасным и злым иногда,
Нас в небе порой до спазмы
Хватала за грудь беда.

Но с небом мы все ж не в ссоре,
Ни в трезвом, ни во хмельном,
В любом меж собой разговоре
Мы, небо, тебя не клянем.

Мы знаем: твои повадки
Бывают еще круты,
Но все искупает сладкий,
Щемящий вкус высоты.

Но все искупает скорость,
С которой чтоб дрожь по рукам,
Чтоб небо вдруг раскололось,
Как яблоко, пополам.

ТОВАРИЩУ

Мы не мало летали с тобой,
Мы по-всякому в небе летали,
И оставили след голубой,
Где другие еще не бывали.

Ты на вид, как другие, не лез,
И ко мне эта блажь не пристала,
Сколько звезд осыпалось с небес —
К нам на грудь ни одна не упала.

Что ж, у каждого доля своя,
Да и дело, наверно, не в звездах,
Просто нужно, душой не кривя,
Полюбить этот северный воздух.

Жгучий воздух с поземкой тугой
Гонит с полюса айсберги-сани,
И мерцает звезда под дугой
У высоких полярных сияний.

Нами этот изучен пейзаж...
И мы вспомним про то на досуге,
Как сияния белый шалаш
Колыхался за нами на юге.

Мы проткнули его кисею
И умчались в просторы чужие.
Мой товарищ, мы долю свою
На загадочный снег положили.

СВЯЗЬ

Этот снег не растопит апрель,
Здесь навек поселилась суровость,
Здесь для жителей в мае метель
И морозы в июне не новость.

Вся природа на сих берегах —
Это рощица жиденьких ёлок,
Где веснушкой на белых снегах
У реки затерялся поселок.

Это место не точка для нас
На окраине дальней Союза,
Мы сюда прилетали не раз
В самолетах, тяжелых от груза.

И всегда, лишь замрет самолет
На укатанном аэродроме,
Самый старший в толпе подойдет
И могучую шапку заломит.

И потом все пойдет уж само:
Успевай отвечать на вопросы,
Кто-то ждет от любимой письмо,
Кто посылку, а кто папиросы.

Нет цены здесь хорошим вестям,
Вновь и вновь их рассказывать просят,
И степенно, по полным горстям,
Их потом по поселку разносят.

И придет ощущение вдруг,
Что ты людям хорошее даришь,
Если кто-то обмолвится вслух:
— Вот за это спасибо, товарищ!

И тогда отвечаем, смеясь,
Что такой уж достался нам жребий:
Отвечать за воздушную связь,
Отвечать на земле и на небе.

ОСТРОВ ДИКСОН

Торосы солнечными дисками
Сияют, шапки заломив,
А я в унтах стою на Диксоне,
Знакомый слушая мотив
О том, что здесь пурга качается...
Моя дымится борода,
А за спиной земля кончается
Надолго, может навсегда.

И там, за синими разводьями
Белеют айсбергов стада,
Их ветер пенными поводьями
Влечет неведомо куда.
Сиянья северного аркою
Ночами остров осенен,
Но точкой белою, неяркою
Еще лежит на картах он.

Об острове поют романтики
В Москве и жарком Туапсе,
А здесь девчонки носят бантики,
Как в среднерусской полосе.
Над льдами акает и окает
Лихой российский говорок —
На мощь державную работает
В пять километров островок.

СИБИРСКИЙ ГАЗ

Мы знали лихую работу —
Никто не завидовал нам,
Когда напрямик к самолету
Шли тракторы, как на таран.

Два грузчика, три тракториста,
У трапа затеяв галдеж,
Кричали о том, что без риска
В Надым трактора не свезешь.

Девчушка, видать, кладовщица,
С косичкой в жестокий мороз,
А то же, как все, петушится,
Лишь хлюпает маленький нос.

Ее и не видно из шубы,
А то же о тракторе речь,
Я ей посоветовал губы
На этом морозе беречь.

А их бригадир, иль в ударе,
Иль что уже принял с утра,
Кричит, что уже в Нарьян-Маре
В «Антоны» грузил трактора.

— Загвоздка вся будет на первом,
Остатние вкатим на «ять».
Конечно, которые с нервом,
Тех близко прошу не стоять.
И вот в самолетное чрево,
Кусты по дороге круша,
Мотаясь направо-налево,
Штуковина эта пошла.

Под хриплые выкрики:— Вира!—
Ревела моторная жуть.
Я видел: рука командира
Невольно схватилась за грудь.
Летали мы много и трудно,
Работали дружно и всласть,
И ухала мертвая тундра,
И пыль снеговая вилась.
Моторы на верхнем пределе
Несли трактора за Урал,
И каждый из нас в этом деле
Масштабы страны постигал.
Когда по трубе, как по жиле,
Сибирский пульсирует газ,
Мы в деле таком не чужие,
В нем есть и частица от нас.

ЗАПРАВКА

На морозе из бочек звенящих
Льется стылый бензин в самолет,
Будто белый невиданный ящер
Из колодца водицу сосет.

Бочки ухали, бочки стонали,
Неохотно цедили бензин,
Словно душу у них вынимали
Через губы стальных горловин.

И пока их, порожних, пинали,
Самолет в небе точкой затих,
А за ним — то ли дым по спирали,
То ли выдох из глоток стальных.

ГОЛОС ЗЕМЛИ

В зеленое платье одета,
С цветами таежных озер
Сияет под нами планета,
А край горизонта остёр.

Моторы работают резко,
Туманной струею пыля,
И нам в небесах Белозерска
Балтийская светит заря.

Мы отданы небу и шири,
Мы мчимся по крыше страны,
И реки не очень большие
С конца до начала видны.

Пейзаж дорогой и неброский
По всем четырем сторонам,
То северный говор, то волжский
В наушниках слышится нам.

И скорости, и перегрузки
В привычный поставлены ряд,
Планета и небо по-русски
Давно меж собой говорят.

* * *

Летим в этой тесной кабине
Законам земным вопреки,
Уже не мальчишки, но иней
Не выпал еще на виски.

Поводья белесой лавины
До боли зажав в кулаке,
Несемся, едва уловимы,
Как зайчики на потолке.

Нам только б до цели добраться,
Мы выжали скорость сполна,
Мы чашу небесного братства
Теперь осушили до дна.

В одну неземную упряжку
Нас небо надолго свело,
И если кому-нибудь тяжко,
То значит и всем тяжело.

СТАЯ

Небесные трассы короче,
Земные дороги верней...
Как зыбкую нить многоточий
Несет надо мной журавлей.

И крыльев тяжелые взмахи
Слышны далеко в сентябре,
Как будто сухие рубахи
От ветра шумят во дворе.

Стою под курлычущим клином,
Один на большое село,
И горло под белым сатином
От птичьего крика свело.

Все дальше та зыбкая стая,
Все глуше встревоженный крик.
Засохшие губы кусая,
За ней я иду напрямик.

НОЧНОЙ ПОЛЕТ

Удобно устроившись в кресле,
Вы мчитесь куда-то во тьме,
Не думая даже: «А если...»
Другое у вас на уме.

О том, хороша ли погода
В том месте, куда вас везут,
О том, что чудного народа
Немало устроилось тут.

Красавицы, рядом дурнушки,
Невесты и чьи-то мужья
У неба на самой макушке
Несутся в другие края.

Ученый и карточный шулер,
Повеса и группа актрис,—
Один человеческий улей
Над спящей землею повис.

До этого жившие порознь,
На общие стали весы,
Сроднила вас жуткая скорость
На краткие в жизни часы.

Потом вы на землю сойдете,
Вздохнув облегченно впотьмах,
И память об этом полете
Увязнет в быту и делах.

Удобно устроившись в кресле,
Вы смотрите сладкие сны,
И каждый отдельно, и вместе
Вы очень кому-то нужны.

ВОСЛЕД ДРУЗЬЯМ

Поднимаются невесомо,
И на белом крыле скользя,
Улетают с аэродрома
Дорогие мои друзья.

Клин упругого лонжерона
Режет воздух наискосок,
От моторного перезвона
Листья падают на песок.

Басовитая льется нота
Реактивной крутой струи,
А в кабине своя работа
И обязанности свои.

Уплотненное до предела
Время втиснуто под стекло,
На штурвале рука замлела,
Словно судорогой свело.

След белесой густой поземки
Остается от корабля,
Как в замедленной киносъёмке,
Поворачивается земля.

Хорошо вам, друзья, летится,
Берегитесь от всяких бед,
Как нахохлившаяся птица,
Я с бетонки смотрю вам вслед.

А бетонка в окрестном лесе,
Словно тропочка по жнивью,
Упирается в поднебесье,
Как в огромную полынью.

ЗА ВЗЛЕТНОЙ ПОЛОСОЙ

Мы, люди грамотной формации,
Ракетный видевшие дым,
Порой легко об авиации
За чашкой чая говорим.

Не только самые отважные,
Но даже те, кто боязлив,
По трапу в двери фюзеляжные
Идут уверенно, как в лифт.

Крыла стремительная грация
Уж не слывет за волшебство,
Но что такое авиация,
Еще не знает большинство.

Погон заманчивое золото
Еще пленяет не одну,
А сколько их нещадно спорото
За маломальскую вину.

Какие судьбы исковерканы
За шаг единственный не тот,
И потому земными мерками
Не измеряется полет.

И потому графа «посредственно»
Не допускает в небеса,
И, как земной рубеж, ответственна
Всегда для взлета полоса.

ТРАССА

В небе лучшая трасса
Над родимым крыльцом,
На обрез плексигласа
Наплывает мой дом.

Он на нитке дороги
Алой каплей висит,
Может, там, на пороге,
Мама смотрит в зенит?

На коленях котенок
Тихо ластится к ней,
Серой лапкой спросонок
Намывая гостей.

До обидного рядом
Стороной пронесет,
Над крылечком и садом,
Скорость — за восемьсот.

По рассыпанным зернам
Желтоватых ракит
Мимо крестиком черным
Самолет пролетит.

Лишь протяжен и тонок
В небе слышался звук,
Лишь у мамы котенок
Выпал прямо из рук.

СКВОЗЬ ОБЛАКА

Гудело и дрожало
Крыло наверняка,
Как лезвие кинжала,
Строгало облака.

По разогретым стеклам,
Летящим напролом,
Хлестало паром блеклым,
Как по лицу платком.

И, кажется, шипело
От ярости крыло,
И собственное тело
Испариной пошло.

Мы потеряли в гуле
Где небо и земля,
Как будто нас втолкнули
Под шубу февраля.

Но шубу разрывая,
Уверенным крылом
Мы прямо в царство мая
Взлетим над февралем.

И след оставив пенный,
Мы тихо поплывем
По зеркалу Вселенной,
Как леска с поплавком.

АЭРОПОРТ АЛЫКЕЛЬ

Полярной ночью над горами
Мерцала звездная капель,
Упав на землю огоньками
Аэродрома Алыкель.

А в непогоду месяц куцый
Роняет луч сквозь облака
В переплетение конструкций,
На самолетные бока.

Но освещенный не луною,
А светом всех прожекторов,
Аэродром передо мною
По-настоящему суров.

Работы нервной достается
Аэродрому Алыкель,
Когда пурга над ним несется
И режет воздух, как шрапнель.

Когда и улицу без риска
Быть сбитым с ног не перейти,
Сюда, до города Норильска,
Легли небесные пути.

Воздушный мост от напряженья
Гудит и светится во тьму,
И максимальное движенье
Идет все время по нему.

СТЮАРДЕССА

Где гул турбин и ветер звонкий,
А день пленительно хорош,
Ты там по краешку бетонки
Так независимо идешь.

И улыбаешься, и взглядом
Так непостижно далека,
И никого с тобою рядом
Не наблюдается пока.

Твоей рискованной свободе
Не позавидовать нельзя,
К крутому небу так подходит
Улыбка нежная твоя.

Ах, эта в ямочках улыбка
И свет звезды на волосах!
Не одному ставало зыбко
От той улыбки в небесах.

* * *

Нас тяготения оковы
Поймали, словно невода.
И каждый взлет еще — рисковый,
И возвращенье — не всегда.

Как будто с небом связь порвется,
И кто-то каплей упадет.
Так кто ж из нас не обернется
На пролетевший самолет?

Частица нашего, земного
Летит звезде наперерез.
О, как для нас он значит много,
Как мало значит для небес!

Не потому ль у наших женщин
Такие грустные глаза,
Когда, до крестика уменьшен,
Он прорезает небеса?

АЭРОДРОМ

Еще в оврагах догорает снег,
А здесь свои привычные заботы:
Белесым телом бросившись в разбег,
Взлетают и взлетают самолеты.

И день, и ночь гудит аэродром,
Зовет к себе призывными огнями,
Земля от гула ходит ходуном,
Земля дрожит заметно под ногами.

Вокруг звучат земные голоса,
Ласкает взгляд привычную картину —
Вдали блестит бетона полоса,
Как Млечный путь, упавший на равнину.

Я ухожу, моторный перезвон
За мною устремляется вдогонку,
А впереди далекий горизонт
Багровой птицей метит на бетонку.

КОЛОДЕЦ НЕБА

Только звук останется и звонко
Упадет за мною на траву,
Голубую ленту горизонта,
Словно паутинку, оборву.

Самолет немного покачнется,
Понесет меня по виражу,
Как в провал огромного колодца,
Я с небес на землю погляжу.

Подо мною все не настояще:
Мирно дремлют копны старых гор,
И река, как будто синий ящер,
Заползает в логово озер.

И плывут внизу косынки елей
Да полей цветные обшлаги.
Просеки, как нити параллелей,
Пролегли по зелени тайги.

Это дно небесного колодца,
А краев колодцу не дано.
Самолет шмелем залётным вьется,
Будто ищет полое окно.

ВСТРЕЧА НА АЭРОДРОМЕ

У перекрестья двух бетонок,
Где все от зноя запеклось,
Сошлись однажды «туполенок»
И молодой красавец лось.

Они стояли непохожи,
Как тишина и гулкий гром,
И бугорки лосиной кожи
Отсвечивали серебром.

Вокруг воняло керосином
И было нечего поесть,
На золотом хребте лосином
От страха выдыбилась шерсть.

Рога чугунные коряво
Стоят на лбу, как сухостой —
Его краса, любовь и право
Существовать в глуши лесной.

А здесь беспомощные сучья...
Он понял это и поник,
Лягнув ногами, бурой тучей
Понесся к лесу напрямик.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

На время стихла шумная работа,
И облаков, и неба круговерть,
Мы только что вернулись из полета,
А завтра почему-то не лететь.

А завтра не качнется под ногами
Осенняя промокшая земля,
Не просвистит за стеклами, как камень,
Тяжелый дождь начала октября.

Аэродром, как сломанная льдина,
Плывет в пустынных, скошенных полях,
И провода, и кабели, как тина,
Повисли, зацепившись, на краях.

Мы только что вернулись из полета,
И, опускаясь на бетонный лед,
В душе своей испытываем что-то,
Что не летавший, может, не поймет.

НОЧНЫЕ САМОЛЕТЫ

Когда от края и до края
Природа в сон погружена,
Кого-то сверху окликая,
Зовет басовая струна.

Я выхожу на луговину,
На зыбкость стынущей травы,
И, к небу голову закинув,
Внимаю звукам громовым.

И вдруг охватит ретивое
Такой знакомою тоской —
И мне ведь небо не чужое,
И я для неба не чужой.

И мне понятно и знакомо
То ощущенье волшебства,
Когда бетон аэродрома
Натянут, словно тетива.

ПЕСНЯ

Медлительна крестьянская душа.
И, как ручей из тихого истока,
Рождалась наша песня не спеша,
Не смелая, не громкая до срока.

Вокруг звучали сотни голосов,
И, чтобы в том не затеряться хоре,
Мы запирали песню на засов,
Хотя ей вредно было на запоре.

Мы к совершенству двигались с азов
И вот дождались радостного часа —
Протяжные мелодии лесов
У нашей песни стали получаться.

Прошла у песни трудная пора,
Она уже не мечется в бессильи,
Она живет, как равная сестра,
В большом семействе песенной России.

ПОЭЗИЯ

Не впервой мои думы так кружатся,
Я опять недоволен собой,
И, во сне задыхаясь от ужаса,
Безутешно трясу головой.

Развернись, голубая околица,
Я на краешке сяду в траву,
Голова моя здесь успокоится
И подумает, так ли живу.

Солнце тихо за озими клонится,
Навевает прохлада с полей.
Неужели повыстыла горница,
Что душою зовется моей?

Только чую: душа не остужена,
Прежний жар собирается в ней,
Ведь с поэзией, милой и суженой,
Разве будет она холодней.

До последнего вздоха поэзия
Ни упасть, ни свихнуться не даст,—
Будет словом, как кончиком лезвия,
Отсекать все не нужное в нас.

В ГОСТЯХ

Пасутся вдоль дороги,
Шумят под ветром вольным
Березы-недотроги
И ели-колокольни.

А где-то очень рядом
Насвистывает лихо
Невидимая взгляду
Веселая скворчиха.

Из леса что-то клянчит
Сорока-белобока,
Как спелый одуванчик,
Летит моя дорога.

Сижу меж двух черемух,
Понравился которым,
Как будто у знакомых
За милым разговором.

Так весело и живо
Течет у нас беседа,
Что ветреная ива
И та вблизи присела.

Колосья спелой меди
Пригнула мне пшеница.
Ах, милые соседи,
Как здесь легко сидится.

Когда нам на погосте
Отыщутся кочевья,
Вы к нам ходите в гости,
Знакомые деревья.

У ПОЭТА

Известен во всей России
И даже за рубежом,
Бывало, превозносили,
Ругали уже потом.
Хотя он к своей карьере
Легко относился сам —
Испытаны в полной мере
И слава, и тихий срам.

Не он ли, подобно туру,
И в рифмах, и в ритмах смел,
В большую литературу
В двадцатых годах влетел.

Писал широко, масштабно —
Не менее эпопей.
Как скверны, боялся штампа
В стихах и в жизни своей.

Рифмы, как семечки, лузгал,
Кепи носил до бровей,
Пока не сорвал «Челюскин»
Его с земных якорей.

На фронте носил погоны
Он от звонка до звонка,
Встречал полно эпигонов,
И редко ученика.

Наверно, не морсом сладким
Считал он свою судьбу —
Были чугунные складки
На поэтическом лбу.

Давно назревала драма
С сердцем его больным,
Теперь еще эта дама,
Нежданна, как вешний дым,
Увидеться с ним, с поэтом,
Мечтала будто всегда.
Глаза с нездоровым светом,
Сравнительно молода.
Приехала из Ростова,
Проделала дальний путь,
Словно на Льва Толстого,
Глазом одним взглянуть.
Что почитала за счастье...
Жаль, что он занемог.
А у самой на запястье
Жилка, как родничок.
От завтрака и до обеда
Проговорил он с ней,
И не было той беседы
Счастливее и больней.
Она уходила в лето
С тем же светом в глазах,
А на душе у поэта —
Неясный какой-то страх.
Словно под тяжестью груза,
Он сидел у стола.
Неужели только что Муза
Проведала и ушла?

НА ОЛЕНЯХ

Вожак хрипит и рвет поводья,
Глаза веселые скосив,
Седой, рогатый, он сегодня
Неподражаемо красив.

Дорогу рвут его копыта
И пар, как пламя, из ноздри,
Рога ветвистые облиты
Багровой моросью зари.

Олень кромсает бок сугробу,
И снег шипит в его рогах,
Такому вверяться попробуй —
Он укатает в пух и прах.

И я смотрю, что нет охочих
До этой гонки огневой,
А рядом милая хохочет
И мне качает головой.

Ах, что случилось, я без страха
Беру обломанный хорей,
Моя бордовая рубаха
Летит, как стая снегирей.

В ГЛУШИ ЛЕСНОЙ

Снежки слетают с веток,
Как стаи снегирей,
Ложатся шалью светлой
На выступы корней.

И с каждой новой стаей
Светлей стаёт в лесу,
Как будто кто бросает
Холодную красу.

Коль одиноким буду,
Припомню этот вид,
Такая грусть повсюду
В пустом лесу лежит.

Ворочается сонно
Меж кочек тишина,
Ни ворон, ни ворона
Не каркнут дотемна.

Шагаю сквозь трясину,
Мне тянут рукава
И шепчут что-то в спину
Большие дерева.

Ах, вам не догадаться,
Морщинистые лбы,
Что я пришел скрываться
От собственной судьбы.

* * *

Золоченую уздечку
В воду бросила луна...
Говорят, что эту речку
Звери выпили до дна.

Затерялась и пропала
Говорливая река
Среди веток краснотала,
Среди листьев тростника.

Лишь осталась, как отрада,
В шумных дебрях камыша
Стародавняя прохлада —
Речки высохшей душа.

Да в низинах остаются
Речки сказочной следы:
Голубые лужи-блюдца
Застоявшейся воды.

Если дома затоскую,
То в лесную благодать
Я уздечку золотую
Ухожу тогда искать.

Чую сердцем, золотая
Та уздечка для меня,
Только ею зауздаю
Я крылатого коня.

НАШ КВАРТАЛ

Сегодня нет поэзии со мной,
Она ушла из нашего квартала,
Быть может, ей, высокой, неземной,
Здесь воздуха и света не хватало.

У нас и, впрямь, простое житие,
Насмешливо, причудно, грубовато,
Трепещет двор в застиранном белье,
Наверно, собирается куда-то.

С утра кефир, а к вечеру вино,
В обед возня соседского скандала,
Я б сам сбежал отсюдова давно,
Когда бы совесть это позволяла.

Но ты еще, поэзия, придешь,
Вся неземная, в пурпурном и алом,
Сюда, где то́поля зеленый клёш
Метет сырую землю по увалам.

Сюда, где дни обычные идут,
Где так видны распавшиеся звенья,
Тебе и здесь отыщется приют,
И здесь повеет ветер вдохновенья.

ВЕСНА

Что за диво погода сегодня,
Замечательно солнечный день!
Говорят, что опять половодье
Моет стены речных деревень.

Снег шипит, словно шпиг в сковородке,
Разъезжаясь по лужам рябым,
Ветер в рыженькой косоворотке
Отгоняет от города дым.

Ошалев от весенней погоды,
За изгибом широкой реки
Подают голоса пароходы,
Прочищая на воле гудки.

Мне понятна их звонкая смелость
И в мороз неутраченный пыл,
Мне с весною опять захотелось
Полюбить, что уже отлюбил.

Защемила душа о хорошем,
Что уже безнадежно ушло,
Раскатилось, как спелый горошек,
Кем-то брошенный на стекло.

ЮНАЯ АКТРИСА

Ты в старом застиранном платье,
Еще неуклюже порой,
Впервые в народном театре
Играешь центральную роль.

Нисколечко нету кокетства,
Всем обликом юным светла,
Ты, кажется, прямо из детства
На эти подмостки взошла.

И все-таки, ты совершенство,
И все-таки, ты хороша,
С младенчества мудростью женской
Твоя напиталась душа.

Еще озорного таланта
Тебе отпустили сполна,
И вышло, что ты в лейтенанта
Без памяти вдруг влюблена.

Он ходит, тобой ошарашен,
Играя не так и не то.
А ты из девчонки Наташи
В другое ушла естество.

Как будто за эти мгновенья
В тебе прошумели года,
Высокий огонь озаренья
Взметнула чужая беда.

В тебе, не страдавшей покуда,
В тебе, не любившей всерьез,
Взошло это светлое чудо
С печалью недевичьих слез.

Но эти слезинки остынут,
Упав на чужое плечо,
Еще настоящие хлынут
Мучительно и горячо.

Не встретишь ли ты их спокойно,
Уже пережитых игрой,
Душе твоей будет ли больно
От боли своей, не чужой?

Загадывать рано, а стены
Опять от оваций дрожат,
Когда ты уходишь со сцены
Неправильно и невпопад.

НАЧИНАЮЩИЕ ПОЭТЫ

В портфелях рукописей кипы,
У глаз бессонницы следы
И поэтического типа
Четыре модных бороды.

Их переполненный троллейбус
Вез по столичной мостовой,
И разговор их, словно ребус,
Звучал над сжатою толпой.

Про ассонансы и сонеты,
Про афоризмы — высший класс!
Немного громко было это
И откровенно напоказ.

Они на публику играли,
Читая скучные стихи,
Они восторженно считали
Чужие модные грехи.

Они делились, как секретом,
В каких журналах что идет,
И были в их глазах при этом
И любопытство, и расчет.

Даря неизданные книжки,
Хваля стихи, которых нет,
Они смеялись, как мальчишки,
В предвосхищении побед.

Ну, дай-то бог!
Хотя и долог
Проходит путь любой поэт,
И может статься, что подборок,
Увы, не будет много лет.

ЗИМНИЙ ТОПОЛЬ

К ночи вьюга завыла от злости,
Снеговую крутнула юлу,
Снова тополь к нам просится в гости,
Стылой лапкой шурша по стеклу.

Звонкий тополь, тебе бы открыли
И пустили погреться в тепле,
Если б ноги твои не пристыли
Поздней осенью к мерзлой земле.

Но о том не печалься особо,
Ты на севере все же не гость,
Лучше белую шубу сугроба
На широкие плечи набрось.

И под ней средь пурги и мороза
Пусть сморит тебя сон голубой,
Может, кстати приснится береза,
Что когда-то стояла с тобой.

* * *

Все быстрее свиваются ленты
Нам отпущенных жизнью годов,
Но поверить, что люди бессмертны,
Иногда я по-детски готов.

И мечтаю, что в дальние дали
Все умершие тихо ушли,
Что в дремучих лесах заплутали
И дороги назад не нашли.

Но они еще сыщут дорогу
И вернутся, как прежде, домой.
Я прошу, помечтайте немного,
Если это случится со мной.

СЛЕЗЫ

Все слезы нечего равнять,
А слезы детские тем боле,
Одним слезу осушит мать,
Другим осушит ветер в поле.

Вот плачет девочка навзрыд
У деревенского детдома,
Косичка тонкая дрожит,
Как пересохшая солома.

Как будто жизнь на волоске —
Такая боль в глазах не детских,
Бегут слезинки по щеке
И никуда от них не деться.

Бегут слезинки на халат,
На ситец розовый, казенный,
В пыль придорожную летят,
Перестоявшие, как зерна.

Конечно, вырастет она,
Как все когда-то вырастали,
Но все же чья-то есть вина
В ее теперешней печали.

Еще сошьет она наряд
И дорогой, и модный самый,
Но не забудется халат,
Надетый девочке не мамой.

ТВОЙ КОРАБЛЬ

Насчет любви во мне большой покой,
Как на сентябрьском выкошенном поле,
Ее корабль от качки неземной
Смиренно отдыхает на приколе.

Какая грусть и тишина на нем,
Лишь ветер в трубах возится угрюмо,
А ведь давно ли этим кораблем
Владела ты от мостика до трюма.

Все было в нем тебе подчинено,
Твое желание — равно приказу,
Сказала ты, и крепкое вино
На корабле не видели ни разу.

Сказала ты, и с берега пришла
Унылая размеренность уюта,
Но перемены к лучшему душа,
Увы, не принимала почему-то.

И в результате бунт на корабле,
Два, три ненужных слова в разговоре,
И ты в обиде ходишь по земле,
А твой корабль покачивает море.

В воде ржавеют цепи якорей...
И я теперь подумал на досуге:
Что ты ушла, в том нет вины моей,
Да и твоей не сыщется заслуги.

СЛОВО

Внезапно разрушая кровлю
Обдуманных спокойных фраз,
Я не любовь назвал любовью
Под властным требованьем глаз.

Вернуть бы сказанное слово
И не бросаться наперед.
О, как все вышло бестолково,
Как вышло все наоборот.

Куда уйти от этой фальши,
Как замолить такую ложь.
Все может быть со мною дальше,
Но это слово не вернешь.

Мы иногда легки в ответе,
И появляется шутя
Еще одна любовь на свете,
Как не любимое дитя.

* * *

Я жгу наши письма от страха,
Что вдруг через много лет
Среди позабытого праха
Их грустный отыщется след.

Найдет их какой-нибудь старец
И скажет, листы теребя,
Что был я душою скиталец,
Что мало любил я тебя.

И, правда, я ласковым не был,
На нежность не тратил чернил,
А прежде высокое небо
И дружбу мужскую ценил.

Исправить бы эту ошибку,
И хоть в середине пути
Улыбку и только улыбку
Тебе каждый вечер нести.

Нести затаенную ласку,
Что с жизнью дала моя мать,
Но, видно, известную сказку
По-новому не рассказать.

* * *

Закат прошипел беспокойно
И, как головешка, угас,
Накренился неба подойник
И вылился прямо на нас.

Сквозь частое, звонкое сито
Летели косые ручьи
На тонкие плечи ракиты,
В глаза голубые твои.

Так, значит, не зря ошалело
Крутились над речкой стрижи,
О том, что в душе наболело,
Под шелест дождя расскажи.

Но, кутаясь в тоненький плащик,
Ты только шептала о том,
Какой я на свете пропащий,
И что с нами будет потом.

Загадывать можно ли это,
У чувства таинственный путь...
Бывает, и жаркое лето
Прохладою может дохнуть.

ИМЯ

Ваше имя — напев из былины,
Самый нежный и звонкий напев,
Словно веточка грустной калины,
Вы стоите со мной, присмирев.

Где же ваша былая смешливость,
Неужели какая беда?
Мне лицо ваше часто так снилось,
Но не снилось таким никогда.

Что-то светлое было меж нами,
На серьезное чувство намек,
Пропустили мы это с годами,
Как прекрасную тайну меж строк.

Только имя прекрасное ваше
До сих пор я забыть не могу,
Словно юность мне издали машет
На отвесном другом берегу.

Если женщину встречу другую,
С вашим именем если она,
Я к тому уж ее приревную,
Что созвучны у вас имена.

Чувство давнее призрачным светом
Обошло нас навек стороной,
И теперь мы, как яблони летом,
Чьи цветы оборвали весной.

ПОЛДЕНЬ

Ты заходила в воду не боясь,
Не опасаясь всплеска и ожога,
Речной волны затейливая вязь
Вокруг тебя смыкалась понемногу.

Но таяло холодное кольцо,
И повисали капельки на теле.
Ах, как смеялось милое лицо,
Как волосы прозрачные летели.

Есть у любви заветная пора
Полупризнаний и полуулыбок,
Весь мир, как пух с лебяжьего пера,
Летит тогда и радостен, и зыбок.

А ты пугаешь смехом камыши,
А я твое выкрикиваю имя,
Как будто нет на свете ни души
И все вокруг означено двоими.

Для нас воды парное молоко,
И этот, в берег падающий полдень.
А до зари вечерней далеко,
А ковш любви еще полузаполнен.

О ТЕБЕ

Старинное имя Людмила
Ты, словно корону, носи,
Недаром его получила
В наследство от тихой Руси.

Но время в тебя подмешало
Немного чужого огня,
Поэтому девочкой шалой
Всегда ты была для меня.

Но все равно северной стати
Ничем от тебя не отнять —
Любое к лицу тебе платье,
К лицу тебе русая прядь.

Как парма в предутреннем дыме,
Загадка ты — и простота,
Ничем не сравнима с другими —
Сравнима ль души красота?

Забытое имя Людмила
Своею судьбой воскреси,
Для всех, ты которых любила
И будешь любить на Руси.

НЕЗАБЫТОЕ

Встретились чужими, а расстались,
Как большая давняя родня,
На прощанье вы мне улыбались
В середине солнечного дня.

Изогнулась времени подкова,
Зазвенела свежестью зимы,
И стихи поэта Смелякова
Всё же здорово читали мы.

Придавал упругую чеканность
Тем стихам голубоватый снег,
И в меня торжественно и странно
Этот день впечатался навек.

Навсегда прозрачен и изящен
В память лёг осколочек Инты.
Весельчак и песенник Марьяшин,
Что теперь поделываешь ты?

И какие песни оседают
Там у вас на дружеской струне?
И у нас ложатся и не тают
Снеговые хлопья на стерне.

Через вас промчался этот ветер,
Что в окне деревья шевелит,
Неужели вас он не заметил,
Если ничего не говорит?

Я с надеждой вслушиваюсь снова,
Как в ветвях позванивает лед,
Словно ритм поэта Смелякова
Дерево кому передает.

ПРУД

Облака надо мною плывут,
Пропадают в просторе далеком,
Мирно дремлет скуднеющий пруд,
Загрустив очарованным оком.

Милый пруд, ты, наверно, забыл
Одного мальчугана смешного,—
Это я жеребцов и кобыл
К водопою водил из ночного.

Как они припадали к воде!
Осыпались могучие гривы,
А теперь нет тропы, и везде
Разрослись тонконогие ивы.

Разлюбили тебя пескари,
Но зато камыши полюбили,
Да осколочек скудной зари
Ненадолго запутался в иле.

ГРОЗА

Какие ливни грянули с утра!
На мокрой пузырящейся панели
Угасли искры птичьего пера,
А птицы все куда-то улетели.

Ни ласточки, ни галки, ни скворца,
Пустынен мир без зверя и без птицы —
Пространство, что, казалось, без конца,
Вдруг обрело размеры и границы.

Деревья оседают у плетня,
Листы, как пыль, прихлопывает ливень,
Но все светлей на сердце у меня,
И с каждым громом дышится счастливей.

Водой летящей я заворожен,
Она все звуки гасит постепенно,
И только струй непобедимый звон
Во все концы гуляет по вселенной.

Шуми, гроза, волнуй кусты окрест,
Звени по крышам, палубам и рекам,
Я твой люблю неистовый оркестр
И ритм, что не придуман человеком.

ЛУННАЯ НОЧЬ

В золотистую сеть звездопада
Карасем заплывала луна,
Да в аллеи заснувшего сада
Загляделась на что-то она.

На снегу всюду резкие тени —
Так ясны и близки небеса,
Не скрипят под ногами ступени,
Не тревожат покой голоса.

Я люблю это зимнее чудо,
Беспредельную лунную даль,
В эту пору, бог знает откуда,
В душу льется и льется печаль.

Но не та, что порой безысходна,
А ее золотая сестра,
От которой легко и свободно,
И не спится всю ночь до утра.

ПРОТАЛИНКИ

Как коврики средь горницы,
Проталинки в снегу —
Весна с зимою борется
На солнечном лугу.

Еще сильней косматая,
Но скоро ей конец,
Девчонка конопатая
Стрижет ее овец.

Та шерстка не на валенки —
На звонкий ручеек,
И вот уже проталинка
На солнце греет бок.

Под ледяною кромкою
Журчит веретено,
Из снега нити звонкие
Прядет, прядет оно.

НА РЕКЕ

Здесь зеленые флаги
Над синей водой,
Здесь прохладно
И ветренно-звонко,
И от берега к берегу
Смех молодой
Пролетает
Беспечным стриженком.

И крылами касаясь
Спокойной воды,
Будит он
Засыпающий омут,
Где на листьях кувшинок
Три желтых звезды
До холодных ночей
Не утонут.

Режет щука траву
Голубым плавником,
Лунный свет
Испускают сороги,
И стыдливый июнь
За кустами тайком
Плещет воду
На белые ноги.

Стрекозиная стая
Стрижет камыши,
Под корягу
Запрятался жерех,

Облаков отраженных
Пустые ковши
Задевают боками
О берег.

Коршун круто кладет
Над рекой виражи,
Словно издали
Чувствует это:
Золотистым цыпленком
У синей межи
В листья спряталось
Раннее лето.

ЗИМНИЕ СТЕЖКИ

Боже мой, сколько выпало снегу!
Всё округло, пушисто, светло,
Словно зимнюю чудо-телегу
В повороте на нас занесло.

Мимо нас проходила дорога,
Где неслась колесница зимы,
На скаку покачнулась немного
И рассыпалась в наши холмы.

Раскатилась от края до края,
Никому никогда не собрать,
Поздней осени след заметая,
Улеглась полотняная гладь.

И по ней голубые дорожки
Полетели, тонки и прямы,
Словно молний тугие застежки
На хрустящей одежде зимы.

ПОБЫТЬ ОДНОМУ

На пологих холмах Сыктывкара
Снова осень гнездо завила,
От тягучего плотного пара
Я забросил стихи и дела.

Потянуло на вольную волю,
К свету тихих сентябрьских осин.
Осень милая, я пред тобою
Предстаю, как и прежде, один.

Никого мне сегодня не надо,
Захотелось побыть одному,
Может быть, я под шум листопада
Что-то важное в жизни пойму.

Может быть, по-ребячьи счастливым
Я побыть ненадолго смогу,
Где берез золотистые гривы
Развеваются, как на бегу.

Я скольжу по крутому оврагу,
Голова моя вся в забытьи,
Неужели осеннюю брагу
Подмешали в лесные ручьи?

ЖЕНЩИНА ПЕЧОРЫ

Теплоход звонкой марки «Заря»
Резвым селезнем плыл по Печоре,
Где давно уже флаг сентября
Выгорал на прибрежном просторе.

Мы сошли у большого села,
Никому в нем еще не знакомы,
На причал лишь собака пришла,
Да и та, как охапка соломы.

Утро только съезжало с горы
Под отчаянный крик петушиный,
На реке догорали костры,
А вблизи ни людей, ни машины.

И тогда все приличья забыв,
Не торчать же весь день на причале,
Мы в калитку ближайшей избы
Осторожно вдвоем постучали.

Вышла женщина к нам на крыльцо
И без слова нас в избу впустила.
Лишь печально-больное лицо
Ей улыбка на миг осветила.

Усадила за стол на скамью,
Принесла все что водится в доме,
Чем-то тронула душу мою
Эта кроткая женщина коми.

Было столько в глазах доброты,
Столько нежности в тихом рассказе,
Словно женщина эта цветы
Разбирала в расколотой вазе.

Я смотрел на нее не дыша,
Материнскою лаской согретый —
Если есть золотая душа,
То она вот у женщины этой.

ГУЛЯНКА

Иногда в московском парке,
Нравам чинным вопреки,
Пляшут бывшие доярки,
Отставные печники.

Здесь рязанские мадонны
И уральские кряжи
Травянистые газоны
Уминают от души.

Под веселую трехрядку,
Не жалея каблука,
Кто вокруг идет вприсядку,
Кто танцует трепака.

По-старинному, прилично,
Словно в праздничные дни.
До сих пор в толпе столичной
Деревенские они.

Их корить нельзя изменой
Ни деревне, ни родне,
Сколько в мгле послевоенной
Разлетелось по стране.

Но московская аллея
Вдруг скрестила их пути,
Чтобы старым, молодея,
В пляске душу отвести.
Даже бойкие старушки
Чинно выстроились тут,
Знать, ядреные частушки
В рукавах у них живут.

Редко кто проходит дальше,
Коль не спляшет, постоит,
Вон танцует генеральша,
И не менее на вид.
Посмотреть на ту гулянку
Я пришел издалека,
И, осмелившись, тальянку
Попросил у игрока.
Ну-ка грянь, гармонь, напевней,
Ведь когда-то, не совру,
Выходили три деревни
Под мою плясать игру.
Половые гнулись доски,
От жары теснило грудь,
Я любил по-вологодски
Мех узорный развернуть.
Перед этими, чужими,
Не сробей, моя рука,
Чтоб плясали, не тужили
О замене игрока.
На утоптанной поляне
Хоть до вечера пляши,
И гуляют россияне
По велению души.

РАННЯЯ ОСЕНЬ

Постучалась осень,
Как дурная весть,
Обещалась в восемь,
Заглянула в шесть.

И волной тумана
Обожгла висок.
Отчего так рано,
Почему не в срок?

Здесь тебя не ждали,
Ты зачем пришла,
Все мои печали
Разом принесла?

Бледной позолотой
Брызнула вокруг,
Уронила что-то
Из холодных рук.

Серебристый ключик
Зазвенел, как лед,
Кто его получит —
Тосковать начнет.

Будет жить уныло
На закате дня.
Ключик уронила
Ты не для меня.

ОФИЦИАНТКА

А свадьба весело гуляла,
Кафе ходило ходуном,
Из переполненного зала
Тянуло дымом и вином.

Качался зал, в гульбе неистов,
Но, покрывая рюмок звон,
В углу, как десять
гармонистов,
Вовсю ревел магнитофон.

И вдруг умолк он ненароком,
Им были так увлечены,
Что неохотно боком, боком
Пошли из круга плясуны.

В кафе пылилось фортепьяно,
Как полированная печь,
Но из него напрасно спьяна
Пытались музыку извлечь.

Уже вскипала перебранка
И свадьба скисла на момент,
И вот тогда официантка
Открыла звонкий инструмент.

И, словно птиц большая стая
Подняла шумные крыла,

Вспорхнула песенка простая
И закружила, понесла.

И молодежь, и пожилые,
Одной задетые струной,
Они единой песней жили,
Дышали музыкой одной.

Официантка все играла,
Казалось, счастлива она,
Что свадьба весело гуляла,
От скуки верной спасена.

Никто не знал, какие мысли
Ее тревожили, как бред,
Что молодые годы вышли,
А свадьбы не было и нет.

Никто не видел, как тоскливо
Она смотрела на гостей,
И каждый клавиш, как
крапива,
Жег пальцы тоненькие ей.

СЕНОВАЛ

Я люблю бывать на сеновале,
Думы здесь прозрачны и чисты.
Нынче в сене вновь зазимовали
На лугах взошедшие цветы.

Я сижу в безмолвии глубоком,
Осторожно сено вороша,
Словно здесь зарыта ненароком
Золотого августа душа.

Чуть скрипят высокие стропила,
А под ними ранний полумрак,
Целый день на улице кропило
И теперь не кончится никак.

Звук такой, как будто за стеною
Кто-то жнет затупленным серпом,
За окошком пылью водяною
Затянуло тусклый окоем.

Птичий клин, как ниточка продета,
На небесном тянется холсте,
Песню уплывающего лета
Журавли курлычут в высоте.

Выдувает ветер из-под крыши
И разносит запахи полей,
А под сено спрятался и дышит
Ароматом август-дуралей.

НОЧЬЮ

Не тает ночь и не проходит,
Лишь сумрак стелет над рекой,
Где одинокий пароходик
Тихонько шлепает домой.

Он носовым покатым клином
Взрыхляет темную волну,
Везет на палубе корзины,
Старушек, сон и тишину.

Едва светлеет на восходе,
И сквозь мерцающую тьму
Кричит усталый пароходик:
Темно и холодно ему.

СОДЕРЖАНИЕ

Простенки России 5
Фотография 7
Салют Победы 9
Каблуки 10
Родина 11
Полярный Урал 13
Шахта 14
Инта 15
«Незабвенная станция Суда...» 16
Северяне 17
Сельский вечер 18
Старая школа 19
Отчий дом 20
Край лесной 22
Печора 23
Щелья 25
Вымские берега 27
И. А. Куратову 28
Учительница 30
У околицы 31
Колодцы 32
Реченька 34
Северный пейзаж 35
«За миг один полёта» 36
Небо 38
Товарищу 39
Связь 40
Остров Диксон 42
Сибирский газ 43
Заправка 45
Голос Земли 46
«Летим в этой тесной кабине...» 47
Стая 48
Ночной полет 49
Вослед друзьям 51

За взлетной полосой 53
Трасса 54
Сквозь облака 55
Аэропорт Алыкель 56
Стюардесса 57
«Нас тяготения оковы...» 58
Аэродром 59
Колодец неба 60
Встреча на аэродроме 61
Возвращение 62
Ночные самолеты 63
Песня 64
Поэзия 66
В гостях 67
У поэта 69
На оленях 71
В глуши лесной 72
«Золоченую уздечку...» 73
Наш квартал 74
Весна 75
Юная актриса 76
Начинающие поэты 78
Зимний тополь 80
«Все быстрее свиваются ленты...» 81
Слезы 82
Твой корабль 83
Слово 84
«Я жгу наши письма от страха...» 85
«Закат прошипел беспокойно...» 86
Имя 87
Полдень 88
О тебе 89
Незабытое 90
Пруд 92
Гроза 93
Лунная ночь 94
Проталинки 95
На реке 96

Зимние стежки 98
Побыть одному 99
Женщина Печоры 100
Гулянка 102
Ранняя осень 104
Официантка 105
Сеновал 107
Ночью 108

Валерий Николаевич Вьюхин

КРОВНАЯ СВЯЗЬ

ИБ № 252

Стихотворения

Художник В. С. Порохня

Редактор В. А. Попов. Художественный редактор А. В. Мошев. Технический редактор В. В. Потолицына. Корректор А. А. Надуткина.

Сдано в набор 1-1978 г. Подписано к печати 27/I-1978 г. Бумага № 1. Формат 60×90 1/32. Усл. печ. л. 3,5; уч.-изд. л. 3,0. Ц02863. Заказ № 483. Тираж 4500. Цена 30 коп. Коми книжное издательство. 167610, Сыктывкар, Дом печати.

г. Сыктывкар, Республиканская типография Управления по делам издательств, полиграфии и книжной торговли Совета Министров Коми АССР.

30 коп.

КОМИ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1978